

Елена
Арсеньева

Госпожа
сочинительница

Исторические
новеллы
любви

Госпожа сочинительница

Елена Арсеньева

Дама из городка (Надежда Тэффи)

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Дама из городка (Надежда Тэффи) / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
— (Госпожа сочинительница)

ISBN 5-699-13155-8

Главное предназначение женщины – заботиться о муже и детях, вести домашнее хозяйство. А если этого мало? Если в сердце горит огонь творчества, если любовное чувство выражается в виде поэтических строк? Для таких дам один путь – заняться литературой. Но на этом пути встречается столько терний и невзгод, что судьбам поэтесс позавидовать трудно. И все же – они прекрасны! О том, как жили и творили Зинаида Гиппиус, Каролина Павлова, Марина Цветаева и другие, прославившие себя в веках поэтессы, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-13155-8

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Елана Арсеньева Дама из городка (Надежда Тэффи)

О мертвых, как известно, или – или. Или хорошо, или плохо... то есть, извините, или ничего. Или ты после смерти Цезарь, или никто. Ну а если умирает дама, то она, как жена этого самого Цезаря, должна быть после смерти выше подозрений: выше не то что неприличных слухов, но даже самых легких намеков!

Когда умерла эта дама, слух пошел... Да еще какой!

– Вы были на кладбище, видели ее могилу? – спрашивал некто тоном глубокого при-
скорбия, каким принято говорить о смерти – не столько потому, что безумно жаль усопшего,
сколько потому, что и о нем когда-нибудь станут говорить таким же тоном, а ведь это ужасно,
господа...

– Нет, – отвечал его собеседник, чувствуя, как у него портится настроение. Как оно пор-
тится у всех при упоминании кладбища, оттого что все там будем.

– Значит, вы не знаете, какую написали ей эпитафию? – уточнял некто.

– Нет, не знаю. Ну и какую же? – из чистой вежливости поддерживал неприятный раз-
говор собеседник.

Тогда некто озирался по сторонам, словно опасался посторонних ушей, и страшным
шепотом, каким сообщают великие тайны, произносил:

– Эпитафия такова: «Здесь лежит Тэффи. Впервые – одна».

В первую минуту воцарялось потрясенное молчание, потом слышался некий звук, кото-
рый при переизбытке воображения можно было принять за сдавленное рыдание, ну а потом
некто и его собеседник пожимали плечами и шли в ближайшее быстро выпить по рюмочке –
на помин ее души, как водится. Повод-то был печальный, но оба отчего-то чувствовали, что
им стало веселее при одной только мысли о той, за чью душу они сейчас станут пить.

Такая уж это была дама, что при одной только мысли о ней становилось веселее сот-
ням тысяч людей! Нет, не из-за ее амурных походов! Имена ее многочисленных любовни-
ков достоверно неизвестны – ну, за исключением разве что одного-двух... пяти, ну, там семи-
восьми... десяти... Проще было сказать, не боясь ошибиться: она-де не пропускает ни одного
мужчины, чтобы не соблазнить или хотя бы не попытаться соблазнить его (вернее, мимо нее
не может пройти ни один мужчина, чтобы не соблазниться ею), и до самых последних дней
жизни (а умерла она не то чтобы в слишком старом, но и не в слишком юном возрасте – всего
лишь восьмидесяти лет!) она умудрялась крутить какие-то романы и романчики, наверное, уже
лишь платонического свойства, а впрочем, кто ее знает...

И немало находилось мужчин, которые с полным на то основанием могли бы отнести к
себе строки некогда написанных ею изысканных стихов:

Мы тайнобрачные цветы...
Никто не знал, что мы любили.
Что аромат любовной пыли.
Вдохнули вместе я и ты!

Однако дам, которые умудряются до самых последних дней кружить головы мужчинам (и
при этом пишут стихи), не столь уж мало. На самом деле их даже много, просто они тщательно
это скрывают, заботясь о такой глупости, как репутация. Или есть еще такое чопорное слово –
реноме. Вот об этом самом реноме глупышки и пекутся неустанно, отчего и оставляют по себе

память как об унылых, скучных, серых старушонках, хотя ого-го каким сверкающим шлейфом волнующих слухов и причудливых сплетен могло быть окружено их имя.

Впрочем, особа, о которой идет речь, особа, носящая диковинное имя Тэффи, прославилась не своими собственными любовными историями и даже не посвященными им изысканными стихами, а теми историями, которые выдумывала и рассказывала о других людях, по большей части не существующих. Ибо она была писательницей, невероятно популярной и известной, любимой всеми. И прежде любимой, когда жила в огромной Империи (однажды эта Империя просто-напросто перестала существовать, уничтоженная своими собственными обитателями), и потом, когда вместе со многими осколками этой самой Империи очутилась вдруг в некоем Городке.

«Это был небольшой городок, жителей в нем было тысяч сорок, одна церковь и непомерное количество трактиров.

Через городок протекала речка. В стародавние времена звали речку Секаной, потом Сенной, а когда на ней основался городишко, жители стали называть ее „ихняя Невка“. Но старое название все-таки помнили, на что указывает существовавшая поговорка: „Живем, как собаки на Сене, – худо!..“

Люди зрелого возраста содержали трактиры или служили в этих трактирах: брюнеты – в качестве цыган или кавказцев, блондины – малороссами...

Окружали городок не поля, не леса, не долины – окружали его улицы самой блестящей столицы мира с чудесными музеями, галереями, театрами. Но жители городка не сливались и не смешивались с жителями столицы и плодами чужой культуры не пользовались. Даже магазинчики заводили свои...»

Попадали в этот странный городок по-разному. Хотя он находился далеко от моря, тем паче – Черного, очень многие приплыли сюда именно по черноморским волнам. В их числе и была Тэффи. Что характерно, прежде чем оказаться в Париже, посреди которого, в районе Пасси («на Пассях», как принято было выражаться), основался русский Городок (название это выдумала тоже Тэффи, и она же и описала сей Городок), она, неожиданно для себя самой, побывала (не по своей воле, а занесенная туда весьма студеным и опасным ветром) еще в одном более чем странном городке. Назывался он – Одесса. Там тоже было все не как у людей, а оттого Тэффи не могла забыть свое кратковременное пребывание в нем. Она была убеждена, что каждый человек, приезжая в Одессу, сам становится словно бы чуточку (или даже не чуточку, это уж кому как повезет!) не в себе и со своим уставом в этот чужой монастырь не лезет, а принимает те правила игры, которые навязывают ему этот полубезумный город и его обитатели. Ну, вот, например.

Тэффи отдала в прачечную носовые платки. Да, такая уж это была дама, что и платочка выстирать (*вымыть*, как говаривали в ту пору, когда она осчастливила Одессу своим появлением) себя не затрудняла. Ноблесс облич! Из значительной семьи петербургского адвоката, имеющая знаменитых родственников (старшая сестра была известной поэтессой, брат – генералом), да и сама личность популярнейшая – нет, ну в самом деле, дюжину платочков ей не осилить. С другой стороны, в гостинице «Лондонская», где она жила, устраивать постирушки было, в общем-то, и негде. И вот Тэффи пришла к прачке и отдала ей свои платочки. Ну а потом, в назначенный срок, конечно, снова пришла, чтобы забрать их. Однако получила не дюжину, а ровно половину.

Ну, разумеется, Тэффи поинтересовалась, не забыла ли прачка, что сдано было в два раза больше...

Не забыла. Однако платки исчезли. Нет их! Видимо, растворились в мыле и горячей воде.

Покосившись на корыто, полное мыльной пены, словно бы в надежде отыскать в нем следы своих прелестных кружевных батистовых платочков, Тэффи сердито нахмурила брови и выразилась в том смысле, что прачка творит сущее безобразие.

Видимо, это получилось у нее не слишком убедительно. Она вообще не любила и не умела сердиться. Гораздо лучше – смеяться самой и заставлять смеяться других!

Так что гнев ее прачку не впечатлил. Она взглянула на Тэффи свысока и изрекла веско, с достоинством:

– Так я же вас за это удовлетворяю!

– Как так? – растерянно поморгала Тэффи своими голубыми глазами, которые на многочисленных фотографиях отчего-то казались темными (а русые волосы казались черными, так что ее многочисленные заочные поклонники воспринимали ее как роковую брюнетку). – Как так – вы меня за это удовлетворяете?!

– Да ведь я же не беру с вас за стирку тех платков, которые я вам не вернула! – раздраженно, словно неразумному ребенку, разъяснила прачка. И вдруг, мигом забыв про бестолковую клиентку, сорвалась с места и ринулась к дверям соседней прачечной, около которых происходила странная сцена.

Оттуда только что выбежал матрос в шапочке с трехцветным помпоном, держа в руках целую охапку белья. Следом выскочили две осатаневшие прачки:

– Управы на них нету! Стой! Может, чужое забрал?

Прачка, которая только что «удовлетворила» Тэффи, попыталась остановить матроса, да где там! Он ринулся огромными скачками куда-то к набережной, и догнать его можно было разве что верхом на добром скакуне.

Тэффи оглянулась и увидела, что у двери почти каждой прачечной – а на этой улице их было несколько – происходило нечто подобное. Матросы с трехцветными помпонами разбирали свое белье (а заодно, очень может быть, и чужое) и бежали так, словно за ними черти по пятам гнались.

О, если бы черти! С чертями, пожалуй, можно было бы договориться. На крайний случай – пообещать продать им душу. С теми же, кто гнался по пятам за матросами (а они, надо сказать, потому носили сине-бело-красные помпоны, что это цвета государственного флага Французской республики, то есть солдаты были французами и принадлежали к экспедиционному корпусу Антанты), договориться было невозможно, потому что они сначала стреляли (рубили, резали), а потом уже начинали думать и говорить. И каждый разумный человек, который узнавал о том, что красные подступают к Одессе и вот-вот возьмут город, мог думать только об одном – о бегстве! «Ауспиции,¹ тревожны», как выражался еще буквально несколько дней назад сероглазый красивый губернатор Одессы Гришин-Алмазов, один из поклонников (и даже более того!) Тэффи, разрывавший сердце между нею, очаровательной и веселой, и известной актрисой немого кино Верой Холодной, тоже очаровательной, но печальной² пока внезапно не исчез неведомо куда...

Еще бы! Исчезнешь небось! Ведь эти самые ауспиции стали более чем тревожны!

Антанта спешно уводила свои войска, и именно поэтому засуетились матросы с помпонами. Все многочисленные обитатели «Лондонской» и других гостиниц, занесенные в Одессу тем же немилосердным ветром, что и Тэффи (это был не какой-нибудь там торнадо, или сирокко, или мистраль, а кое-что гораздо хуже – ветер революции... нет – ураган революции!), спешно упаковали чемоданы и ринулись дальше, гонимые тем же кошмарным ветром. Дальше дорога лежала только прочь из России. В Константинополь, например. На чужбину...

«Вот это да! – ошеломленно думала Тэффи. – Поехала всего на один месяц в Киев в гастрольную поездку, искушенная болтливым антрепренером с псевдонимом Гуськин, – однако на Киев наступали большевики, и вот качусь вниз по карте, и гонит меня судьба куда

---

¹ Так называли свои пророчества жрецы-предсказатели Древнего Рима, гадавшие по полету и крику птиц, по небесным явлениям и т. д.

² «И звезды любить умеют». Об этой истории можно прочитать в книге Елены Арсеньевой.

хочет, и докатила до самого моря. Теперь захочет – в море загонит, захочет – по берегу покатит. В сущности, не все ли равно?...»

Впрочем, многие оставались в Одессе. Это были коренные одесситы, которых из родного города совершенно невозможно было вытащить, выгнать, выкорчевать. Они, пожалуй, согласились бы покинуть его... но только в том случае, если бы могли прихватить с собой в каком-нибудь волшебном чемоданчике кусочек Дерibasовской улицы, и кафе «Фанкони», и часть Александровской набережной с памятником дюку Ришелье и знаменитой Потемкинской лестницей (а также желательно с Ближними Мельницами, Фонтаном, Молдаванкой и катакомбами!). Но поскольку осуществить сие было никак невозможно, одесситы оставались в Одессе. Однако суета эвакуации коснулась и их.

В этом Тэффи не замедлила убедиться, встретив знакомую одесситку – очень возбужденную и даже радостную:

– Голубчик! Ну, вы же мне не поверите! Плотный, как кожа! Спешите скорее, там уже немного осталось!

– Чего? Где?

– Крепдешин. Ну прямо замечательный! Я себе набрала на платье. Чего вы удивляетесь? Нужно пользоваться. Дешево продают, потому что все равно большевики отберут. Бегите же скорее! Ну?

– Спасибо, – пробормотала Тэффи. – Но, право, как-то нет настроения.

– Ну, знаете, лавочник ждать не станет, пока у вас настроение переменится. И, верьте мне, что нас ждет – неизвестно, но зато известно, что крепдешин всегда нужен!

Тэффи стало не по себе. Крепдешин... Давненько она не слышала этого волшебного слова! В Петрограде и Москве приходилось шить белье из... чертежной кальки. Знатоки чертежного дела ее неведомым образом отмачивали, и получалось что-то вроде батиста. А как-то раз к Тэффи подошла одна дама и сказала вечно-женственно:

– Как вам нравится мое платье?

Платье было, как показалось Тэффи, сшито из очень скверной кисеи. Конечно, Тэффи сказала, что оно очень мило – а кто на ее месте поступил бы иначе? И тут обрадованная дама сообщила, что платье-то сшито из аптечной марли!

– Конечно, она, может быть, не очень прочная, немножко задерживается, но недорогая и широкая. Теперь уже такой не найдешь – всю расхватили. Осталась только йодоформная, но та хотя и очень красивого цвета, однако плохо пахнет.

Тэффи выразила сочувствие. И дама рассказала, что ее племянница купила в аптеке перевязочных бинтов – «очень хороших, с синей каемочкой» – и отделала ими вот такое платье:

– Знаете, нашила полоски на подоле, и, право, очень мило получилось. И гигиенично – все продезинфицировано.

Вот так-то! Калька, марля, бинты... А Тэффи пренебрегает крепдешинком, плотным, как кожа! И, очень возможно, она соблазнилась бы им, однако обнаружила, что, пока она размышляла, одесситка убежала, так и не сказав, где он продается.

Тэффи пошла дальше, как вдруг из какой-то парикмахерской выскочила знакомая москвичка:

– Безобразие! Жду три часа! Все парикмахерские битком набиты... Вы уже завились?

Тэффи померещилось, что она ослышалась. Завилась? В каком смысле?!

– Так о чем же вы думаете?! – почти с ужасом уставилась на нее знакомая. – Ведь большевики наступают, надо бежать! Что же вы так, нечесаная, и побегите? Зинаида Петровна молодец: я, говорит, еще вчера поняла, что положение тревожно, и сейчас же сделала маникюр и ондулясьон.³ А сегодня все парикмахерские битком набиты. Ну, я бегу...

---

³ То есть завивку.

Все бежали! Все держали путь к морю, ибо покинуть Одессу можно было только морем!
Тэффи оглянулась, окинула взглядом гавань. Сколько труб, сколько парусов!

Он ночью приплывет на черных парусах.
Серебряный корабль с пурпурною каймою.
Но люди не поймут, что он приплыл за мною.
И скажут: «Вот луна играет на волнах...»

Нет, этого прекрасного и пугающего корабля, о котором Тэффи когда-то сочинила стихи, пока не видно. И слава богу. Однако ни на какой другой у нее нет билета, ни на одном не зарезервирована каюта. Такое впечатление, что все знакомые сумели вовремя позаботиться о себе. Но, что характерно, никто и не думал позаботиться о той, кому всего лишь несколько дней назад клялись в любви, дружбе, преданности, о которой обещали позаботиться, зная ее непрактичность и неумение в жизни «устраиваться», хлопотать...

Впрочем, она была так знаменита, что раньше в ее жизни все устраивалось как бы само собой. Даже царь («Подчеркиваю – царь!» – как выразился бы Гришин-Алмазов... Ах, где же его тревожные серые глаза, на кого теперь мечут победительные взгляды... а может быть, уже и закрылись навеки?!) предпочитал ее *всем остальным* российским писателям! Когда составлялся юбилейный сборник к 300-летию царствования дома Романовых, издатели почтительно осведомились у Николая II, кого из писателей он желал бы видеть в этом сборнике. Император ответил:

– Тэффи. Одну только Тэффи. Никого, кроме нее, не надо.

Тэффи – это был, конечно, псевдоним. Ее часто спрашивали, что это за словечко такое чудное она выдумала. И Тэффи, которая обожала мистифицировать публику, рассказывала, что у нее был некогда безумный роман с одним иностранцем по фамилии Тэффи. Они даже, дескать, заключили тайный брак: заключить явный было невозможно, потому что тогда иностранец не получил бы баснословное наследство от дядюшки-магараджи... Ну да, он был, кажется, наполовину индеец... Но господин Тэффи внезапно умер от сямской лихорадки в своих ямайских джунглях (видимо, он был наполовину сиамец, а может, и ямаец), осчастливив дядюшку-магараджу, который немедля промотал свое баснословное состояние с молоденькими красотками в парижских кабаре... В другой раз она говорила, что назвалась так в честь старого слуги Стефана, которого у них в доме звали Стэффи. Но чаще всего объясняла, что «родоначальником» ее псевдонима был любимый писатель Киплинг. У него-де в сказке «Как было написано первое письмо» есть героиня – маленькая девочка Тэффи, и это имя «в переводе с доисторического языка» означает: «Девочка-которую-нужно-хорошенько– отшлепать-за-то-что-такая-шалунья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.